

Полякова Елена Владимировна

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ВОСПРИЯТИЯ ЗНАЧЕНИЯ РУССКИХ И АНГЛИЙСКИХ ИДИОМАТИЧЕСКИХ КОНЦЕПТОВ

Статья посвящена сопоставительному исследованию психолингвистических характеристик восприятия значения русских и английских идиоматических концептов "бедность / poverty" представителями русского лингвокультурного сообщества. В статье приводится детальный анализ психолингвистических исследований, посвященных проблемам восприятия и распознавания идиоматического значения. На основе анализа лингвистических экспериментов были выявлены ассоциативные реакции, семантическая интерпретация которых обозначила особенности репрезентации идиоматического значения, отражающие стереотипные представления русскоязычных студентов об англоязычном лингвокультурном сообществе в сравнении с сообществом, к которому они себя относят.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/1-2/42.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 1(55): в 2-х ч. Ч. 2. С. 151-157. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/1-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Список литературы

1. Волхонский Б. Перерождение «новой» Европы [Электронный ресурс]. URL: http://www.intelros.ru/pdf/Rus_journal_11_08/8.pdf (дата обращения: 15.08.2015).
2. Малинович Ю. М. Функционально-семантические категории бинарной оппозиции (лингвофилософский очерк) // Текстовая реализация функционально-семантических категорий и полей. Ростов-на-Дону: ИПО ПИ ЮФУ, 2011. С. 50-69.
3. Попова З. Д. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ; Восток – Запад, 2007. 314 с.
4. Цивьян Т. В. Модель мира и её лингвистические основы. Изд-е 3-е, испр. М.: КомКнига, 2006. 280 с.

**THE OPPOSITION OF THE CONCEPTS NEW EUROPE – OLD EUROPE
IN THE MASS MEDIA DISCOURSE OF THE USA**

Pinchukova Natal'ya Vladimirovna
Amur State University
pinnat12@mail.ru

The article is devoted to the research of the image of Europe in the mass-media discourse of the USA at the beginning of the XXI century. The image of Europe is considered as the conceptual system, presented in the form of the binary opposition NEW EUROPE – OLD EUROPE. The author reveals the notion of the binary opposition principle, which underlies the principle of reflection of the world in human consciousness. The main content of the article is the analysis and comparison of the concepts and NEW EUROPE and OLD EUROPE.

Key words and phrases: world view; image; concept; binary opposition; cognitive features of the concept.

УДК 81:39

Статья посвящена сопоставительному исследованию психолингвистических характеристик восприятия значения русских и английских идиоматических концептов «бедность / poverty» представителями русского лингвокультурного сообщества. В статье приводится детальный анализ психолингвистических исследований, посвященных проблемам восприятия и распознавания идиоматического значения. На основе анализа лингвистических экспериментов были выявлены ассоциативные реакции, семантическая интерпретация которых обозначила особенности репрезентации идиоматического значения, отражающие стереотипные представления русскоязычных студентов об англоязычном лингвокультурном сообществе в сравнении с сообществом, к которому они себя относят.

Ключевые слова и фразы: идиоматическое выражение; психолингвистический подход; ассоциативные реакции; идиоматическое значение; семантическая интерпретация; концепт.

Полякова Елена Владимировна, к. филол. н., доцент
Таганрогский институт имени А. П. Чехова (филиал)
Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)
polyak.lena@mail.ru

**ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ВОСПРИЯТИЯ ЗНАЧЕНИЯ РУССКИХ
И АНГЛИЙСКИХ ИДИОМАТИЧЕСКИХ КОНЦЕПТОВ**

Разнообразный спектр устойчивых выражений, называемых идиомами, отражает трудности, с которыми сталкиваются как носители языка, так и инофоны, встречаясь с этим явлением в актах коммуникации. В этих «терминологических джунглях» (выражение А. Ланглотц) [21, р. 2] неизменным остается признание того, что идиоматические выражения представляют собой сложные знаки, характеризующиеся спецификой формы и значения, а также прагматическими и социокультурными особенностями. Идиомы признаются конвенциональными выражениями, поскольку входят в словарный состав конкретного языка и выполняют специфические дискурсивно-коммуникативные функции. Основными характеристиками, влияющими на психологические особенности восприятия идиоматических выражений, являются:

1. Устойчивость выражения [1, с. 54-68] и признание его представителями лингвокультурного сообщества, называемое в западной традиции институционализацией (institutionalization).

2. Сочетание двух или более лексем, объединенных общим значением, называемое раздельноформленностью [Там же, с. 68-90] или композиционностью выражения (compositeness). Пословицы и поговорки, а также фразовые глаголы, согласно этому критерию, также относят к идиоматическим конструкциям [19]. Следует отметить, что ряд исследователей не признают композиционный характер идиом и считают, что общее значение идиоматического выражения представляет собой семантическое расширение по сравнению со значением его отдельных лексических компонентов [17, р. 275].

3. Фиксированность формы (*frozeness*), которая указывает на наличие лексикограмматических ограничений, влияющих на вариативность лексических компонентов идиомы и ее грамматические функции. О наличии фиксированности говорят любые синтаксические и морфологические ограничения, а также особенности сочетаемости при выборе лексических компонентов идиомы [1, с. 47-56, с. 96-100; 5; 10].

4. Переосмысленность, семантическая осложненность, внутренняя идиоматичность [4, с. 55] или термин, используемый в зарубежной традиции «*pattern of figuration*». Их переосмысленное значение признается носителями языка и как таковое входит в словарный состав языка. Следовательно, при анализе идиом необходимо разграничивать два уровня значений: а) буквальное значение (сумма значений конstituентов идиомы) или прототип идиомы [1; 4] и б) ее идиоматическое значение (переосмысленное значение). Чем больше расходятся буквальное и переносное значения идиомы, тем более абстрактным и менее мотивированным становится значение идиоматического выражения.

Идиоматическое выражение, исходя из перечисленных характеристик, А. Ланглотц определяет как институционализированную конструкцию, состоящую из двух и более лексических конstituентов, обладающую сложной идиосинкретичной структурой устойчивой формы и ограниченной сочетаемостью, выполняющую понятную функцию и характеризующуюся семантически расширенным значением [21, р. 5]. Особенности структуры и семантики идиоматических выражений влияют на выполнение ими понятийной или номинативной и прагматической функций, реализующихся в дискурсе, а также на особенности их психолингвистического восприятия.

Поскольку в идиоматическом выражении мысль уже сформирована и сформулирована, такое выражение представляет собой не только языковое, но и мыслительное клише, устойчивую когнитивную схему объекта номинации [4, с. 18]. С психолингвистической точки зрения, таким образом, проблема восприятия идиоматических выражений связана с ментальным лексиконом говорящих и слушающих и их способностью воспринимать идиоматические выражения как мотивированные или немотивированные семантические структуры, как единицы с единым значением или как единицы, значение которых может быть выведено из значения составляющих его компонентов. Идиоматические выражения представляют собой семантические структуры, которые хранятся в ментальном лексиконе, что позволяет присвоить им психолингвистический статус лексической единицы. Существуют различные психолингвистические подходы к исследованию значения идиом.

В традиционной психолингвистической традиции процесс понимания идиомы приравнивается к процессу понимания слов. Основываясь на положениях У. Вайнрайха [25] и С. А. Боброу и С. М. Белла [6], С. Глюксберг выдвигает психолингвистическую списочную гипотезу понимания идиом (*idiom-list hypothesis*) и называет такие модели «моделями прямого поиска» («*direct look-up models*») [16, р. 4]. Согласно предложенной гипотезе, лингвистическая последовательность, содержащая потенциальную идиому, сначала проходит обработку буквального значения. Необходимым условием для действия такой модели является нечеткость значения идиомы, вызванная расхождением между буквальным и идиоматическим значениями. Если буквальная интерпретация не противоречит контексту, процесс понимания можно считать осуществленным. В случае если буквальная интерпретация контекстуально неправильна, активируется идиоматическое значение посредством извлечения идиомы из ментального лексикона. Другими словами, идиоматичность конструкции осознается лишь при невозможности ее понимания как стандартного буквального выражения. Однако эксперименты Р. В. Гиббса показали, что буквальная интерпретация замедляет время обработки немотивированных идиом [12]. Психолингвистические эксперименты, направленные на выявление времени обработки значения, таким образом, позволяют предположить, что первоначально происходит понимание переносного значения и оно может быть непосредственно извлечено из памяти до того, как происходит обработка буквального значения конструкции. А. Ланглотц также отмечает, что использование идиомы в буквальном значении представляет собой особый случай, требующий более сложных процессов осмысления, и подчеркивает, что понимание идиомы происходит быстрее, если она воспринимается в своем идиоматическом значении [21, р. 21]. Исходя из этого, Р. В. Гиббс выдвигает «гипотезу непосредственного доступа» («*direct-access hypothesis*»), а Д. А. Свинни и А. Катлер [23] выдвинули «гипотезу лексической репрезентации» («*lexical representation hypothesis*»), доказав, что буквальное и переносное значения идиом сначала обрабатываются параллельно, причем анализ буквального значения подавляется, когда активируется идиоматическое значение.

С. Качиарри и П. Табосси [9] и П. Табосси и Ф. Цардон [24] предложили «конфигурационную гипотезу» («*configuration hypothesis*»), согласно которой идиомы не хранятся в памяти как простые корреляции форма/значение, а представляют собой сложные конфигурации отдельных слов. Согласно этой гипотезе, поиск идиомы начинается только тогда, когда идиома сама распознается как конфигурация, т.е. как лингвистическая единица, состоящая из более простых лексических элементов. Центральным моментом этой гипотезы является введение понятия «ключ», который содержится в каждой идиоме, причем идиома может содержать один или более лексических «ключей» [9, р. 678]. «Ключ» представляет собой вид ментального сигнала, который у слушателя «открывает» целую идиоматическую конфигурацию, что ведет к активации идиоматического значения. Распознавание этого ключа, таким образом, сигнализирует о моменте качественного переключения между идиоматической и буквальной интерпретациями идиомы. До активации подобного «ключа», который может появляться и в начале, и в середине, и в конце идиоматической последовательности, слушающий пытается интерпретировать идиоматическую последовательность согласно ее буквальному значению. Следовательно, у большого количества идиом переносное значение активируется не сразу, а только после появления ключа. Буквальное значение при этом не прекращает своего действия, а только отодвигается на задний план семантической активации, выдвигая на передний план идиоматическое значение. Это важное положение подтверждается

большим количеством психологических исследований. Данная гипотеза является компромиссом между гипотезами, доказывающими главенство либо буквального, либо переосмысленного значения. Проведенные эксперименты представляют психолингвистические доказательства того, что, являясь лексикализованными фразами, идиомы способны разворачивать свою структурную сложность при реальном использовании.

Такая характеристика идиом как композиционность ее состава натолкнула Р. В. Гиббса и Н. Найяка [14] на мысль о выдвигании «декомпозиционной гипотезы или гипотезы разложимости» («*decompositional hypothesis*»). «Декомпозиционная гипотеза» представляет собой психолингвистический коррелят лингвистической модели репрезентации идиом. Согласно данной гипотезе, большое количество идиоматических выражений семантически разложимы благодаря специфическим значениям их конститuentов, независимо вносящих свой вклад в общее переносное значение идиомы. Результаты проведенных исследователями экспериментов показывают, что степень семантической декомпозиции коррелирует со скоростью понимания идиомы, и авторы этой теории отмечают, что именно разложимость и способность конститuentов идиомы обладать независимым значением объясняют, почему такие идиомы воспринимаются как продуктивные и лексически вариативные [11]. Следовательно, большее время, затрачиваемое на обработку неразложимых идиоматических выражений, является следствием невозможности обработки этих идиом по составным компонентам. Время, потраченное на декодирование идиомы, показывает, что люди обычно пытаются подвергнуть эти конструкции композиционному анализу как этапу процесса ментальной обработки. Для разложимых идиом этот анализ выступает как поддерживающий процесс понимания, тогда как в случае с неразложимыми идиомами этот анализ мешает непосредственному пониманию. Авторы подчеркивают, что разложение относится не к буквальным значениям конститuentов идиомы, а непосредственно к специализированным связанным переносным значениям компонентов [Ibidem]. Авторы полагают, что именно эти связанные переносные смыслы компонентов идиомы хранятся в ментальном лексиконе и актуализируются в идиоматическом контексте. Неразложимые идиомы поэтому могут рассматриваться как лингвистические единицы, которые могут продуцироваться и пониматься в терминах семантической разложимости/неразложимости. Таким образом, если «конфигурационная гипотеза» выявляет актуальное сочетание буквальных значений идиомы в процессе ее понимания, то «гипотеза разложимости» представляет композиционный характер идиомы как перевернутый процесс (*top-down process*). Эти две гипотезы, таким образом, высвечивают два альтернативных типа композиционности идиом: буквальную композиционность (идиомы – конфигурации слов) и переосмысленно-буквальную разложимость (идиомы – анализируемые лингвистические линейки), – в отличие от традиционного взгляда на композиционность как выводимость идиоматического значения из значений ее лексических конститuentов (*bottom-up derivation*) [14].

Таким образом, у большинства идиом имеется как минимум два активных уровня семантической репрезентации: их идиоматические значения и буквальные значения их конститuentов, и при столкновении с идиомой в дискурсе слушающие интегрируют эти уровни значения. Совмещение конфигурационного и композиционного подходов было использовано Р. В. Гиббсом и В. Швайгертом, доказывающими, что буквальная и переносная интерпретации идиомы идут параллельно [11; 22]. Лексический статус каждого отдельного компонента (значения слова, сложное буквальное значение, фразовое переносное значение, значение всей идиоматической конструкции) является частью репрезентации семантики идиомы. Благодаря взаимодействию этих семантических репрезентаций с контекстуальной информацией, выбирается подходящая интерпретация – либо буквальная, либо идиоматическая. Когда два семантических уровня подвергаются одновременной обработке, они представляют две интерпретационные альтернативы. Р. В. Гиббс отмечает, что одновременная активация буквального и переносного значений приводит к «гонкам» между двумя семантическими уровнями [11].

Когнитивная сторона конвенциональности также играет существенную роль в обработке идиом, так как конвенционализация обеспечивает основу для непосредственного осознания идиоматического значения. Поскольку большое количество идиом могут рассматриваться как высоко конвенциональные единицы, их значение непосредственно обусловлено независимо от того, является ли идиома разложимой, прозрачной или неразложимой.

Несмотря на то, что психолингвистические исследования о разложимости идиом выявили важные процессы в понимании различных типов идиом, существует необходимость соотнесения результатов психолингвистических исследований с понятийными лингвистическими моделями идиоматических конструкций.

Характеризация восприятия идиоматического значения невозможна без учета образных процессов, лежащих в основе формирования идиоматических выражений, которые выявляют важную статистическую тенденцию идиом накладывать конкретные элементы буквального значения на абстрактные референты в идиоматическом значении, высвечивая тем самым когнитивную функцию в идиоматичности, связанную со способностью мотивировать идиоматические выражения при их восприятии. Мотивация относится к способности говорящего понимать идиоматическое выражение путем демотивации его переосмысленного значения относительно буквального. По мнению психологов, мотивация играет важную роль в ментальном представлении идиоматических конструкций. Так, С. Качиари отмечает, что способность понимать идиомы не ограничивается простым механизмом извлечения значения идиомы из лексической памяти, а происходит в соответствии с общими механизмами восприятия значений [7, р. 41-43], и что значительная часть идиом не хранится в ментальном лексиконе как лексические единицы, а их мотивированное значение активируется вместе с информацией, которая намного более сложная, чем простое перефразирование. Дж. Лакофф предложил когнитивно-лингвистическую модель мотивации идиом на базе концептуальных метафор и попытался объяснить этот процесс в его связи с типичными образами и ассоциациями, вызываемыми идиоматическим выражением [20]. Значение идиомы в данной модели является мотивированным, поскольку концептуальное знание ассоциировано с конкретным сценарием и метафорическое знание осуществляет связь, позволяющую соотнести буквальное значение с идиоматическим.

Модель, предложенная Дж. Лакоффом, была развита в психолингвистических исследованиях Р. В. Гиббса и его последователей, которые показали, что потенциальная мотивация идиом концептуальной метафорой влияет на ее выбор и интерпретацию в дискурсе и что люди чувствуют предполагаемую согласованность концептуальных метафор, сопровождающих конкретные идиомы [13, p. 71]. Р. В. Гиббс и О'Брайн провели исследование ментальных образов, вызываемых идиомами, и выявили, что информанты могут производить стойкие образы идиом, которые структурированы концептуальными метафорами. Модель, предложенная Дж. Лакоффом, вызвала критику со стороны последователей школы С. Глюкберга [16], которые отмечают, что, несмотря на то, что идиомы могут быть ремотивированы, концептуальные метафоры в этом процессе никакой роли не играют. Они считают, что интуитивное восприятие прозрачности идиомы отражает умственные интерпретационные стратегии. Когда люди знают значение идиомы, они пытаются наложить элементы этого значения на лингвистические конститuentы идиомы. Это наложение делает значение прозрачным, однако оно затуманивает понимание того, что идиома может означать что-то другое [18, p. 1559].

Системность метафорических моделей в идиоматических выражениях указывает на то, что эти модели лежат в основе мотивации и влияют на их когнитивную функциональность. Точка зрения Дж. Лакоффа на мотивацию идиом основана на «top-down» интерпретативном процессе, при котором идиоматическое значение принимается как само собой существующее [21, p. 49]. Это означает, что если разные люди знают противоположные значения незнакомой идиомы, трудно ожидать, что они активизируют те же самые концептуальные метафоры, чтобы сделать выражение прозрачным. Неоспоримая роль концептуальной метафоры в процессе актуализации идиоматического значения подтверждается особенностями декодирования значений идиом, совпадающих по форме, типу переосмысления, но различающихся концептуальной метафорой в разных языках. При актуализации английского идиоматического значения русскоязычные испытуемые подменяют концептуальную метафору иноязычного выражения метафорой, актуализирующейся в родном языке, относя единицу к другому концепту: например, английское выражение *sing like a lark* соотносится русскими реципиентами с концептом «лесть», а не с концептом «счастье», поскольку проходит обработку идиоматического значения как русское идиоматическое выражение *петь соловьем*; английское выражение *lead smb by the nose*, актуализирующее концепт «подчинение», ошибочно интерпретируется как выражение, номинирующее концепт «обман», воплощенный в идиоме *водить за нос*; такая же ситуация отмечается и при обработке выражения *to hang on smb's words* – *слушать с восторгом* и русского фразеологизма *ловить каждое слово – слушать очень внимательно, не пропустить и слово* и ряде других.

Теория концептуальной метафоры предлагает теоретическую базу, объясняющую, почему идиомы вообще существуют и используются, поскольку показывают, как специфический положительный и отрицательный опыт человека соотносит в памяти конкретный сценарий с идиоматическим значением, и идиомы функционируют как микромоделли, обеспечивающие более легкий доступ к сложным и абстрактным концептуальным взаимоотношениям, включая оценку. С. Качиари и С. Глюксберг [8, p. 53] подвергают критике эксперименты Р. В. Гиббса о ментальной образности и ее структурировании посредством концептуальных метафор. Они игнорируют влияние концептуальной метафоры на ментальные образы, считая, что исследователи принимают их как основанные на переносном, а не на буквальном значении выражений, и доказывают, что образы, порождаемые у информантов, преимущественно буквальные для всех типов идиом. Мы абсолютно согласны с тем, что проявление образности в значительной мере зависит от конкретности концепта. Из этого может следовать, что возможность идиом создавать образы коррелирует с конкретностью их конститuentов. Однако Дж. Лакофф подчеркивает, что конвенциональные образы не объясняют или замещают переносное значение идиом, наоборот, образы способствуют активации концептуальных знаний области источника, которые метафорически накладываются на область цели идиоматического значения и выполняют свою наиболее важную когнитивную функцию структурирования абстрактного концепта в терминах конкретного. По своей природе концептуальная метафора зависит от концептуального богатства области источника. В тех случаях, когда идиомы не позволяют воссоздать конкретную область источника, метафоры не могут выполнить своей функции конкретизации. Р. В. Гиббс и О. Брайен отмечают влияние более абстрактной функции структурирования концептуальной метафоры на интерпретацию этих образов информантами [15]. Это приводит к выводу о том, что два изложенных подхода не противоречат друг другу. Важно, однако, отметить, что далеко не всегда мотивация прозрачной идиоматической конструкции может быть полностью осуществлена посредством лишь концептуальной метафоры. Полная концептуальная мотивация зависит от конкретных знаний, ассоциируемых с буквальной сценой области источника. Поскольку концептуальные метафоры представляют собой относительно абстрактные переносные модели, они полностью не определяют, какие концептуальные подструктуры из буквальной области источника накладываются на область идиоматического значения. Требуются специальные энциклопедические знания, ассоциируемые с буквальным значением.

Рассмотрев предложенные психолингвистические подходы к восприятию и интерпретации идиом, мы предприняли попытку проведения ассоциативного эксперимента по восприятию психологически реальных значений идиоматических выражений и концептов в сопоставимых идиоматических выражениях в русском и английском языках студентами – носителями русского языка. Для анализа актуализации представлений, вызываемых идиомами, выбраны выражения, входящие в номинативное поле концепта «бедность / poverty», представленного в русском языке идиомами *гол как сокол*, *бедность не порок*, *нужда многому научит*, *беден как церковная мышь*, *сводит концы с концами*, *затянуть пояс*, *перебиваться с хлеба на квас*, *висеть на волоске*, *в кармане соловьи свищут* и английскими идиоматическими выражениями *to die in a ditch*, *feel*

the draught, have a rough time, tighten one's belt, live from hand to mouth, put both ends meet, as poor as a church mouse, don't have a penny to one's name, live/travel on a shoestring (budget). Предварительный лингвосемантический и лингвокогнитивный анализ представленных идиом выявил выражения, характеризующиеся полным совпадением, частичным совпадением выражений в двух языках, а также идиосинкретичные идиомы, не имеющие аналогов в сопоставляемых языках [2, с. 159-162]. Полностью совпадающие идиоматические выражения (*затянуть пояс = tighten one's belt; сводить концы с концами = put both ends meet; беден как церковная мышь = as poor as a church mouse*) активируют сходные представления у русскоязычных студентов (в эксперименте приняли участие студенты факультета иностранных языков 3 и 4 курсов). Так, идиома *сводить концы с концами* вызывает ассоциации с натяжением, выживанием, трудностями, расчетом, долгами, недостатком, безденежьем, нищетой, голодом, необходимостью выкручиваться, безработицей, экономией, попыткой в представлении русских идиоматических выражений и *put both ends meet* ассоциируется с *rules, no, round, hunger, survive, lack of money; in poverty; calculating, hardly; difficulty; need* – при восприятии английско-го идиоматического выражения. Интересно отметить, что в анкете не оговаривался язык представления ассоциатов, однако все без исключения испытуемые при предъявлении английских идиом заполнили анкету на английском языке, а русскую – на русском. При описании концепта с использованием методик ассоциативного эксперимента учитываются несколько реакций, предложенных испытуемыми, поскольку для выявления и описания содержания концепта важны любые психологически осознаваемые ментальные информационные компоненты, вычлняющиеся в сознании испытуемых в том или ином ментальном образовании (концепте), – как непосредственно осознаваемые в ходе эксперимента, так и выводимые путем рефлексии из содержания концепта [3, с. 174]. Семантическая интерпретация ассоциативных реакций позволила сформулировать следующие представления, вызываемые значением данных идиоматических выражений: требует умения выкручиваться; связано с расчетом; требует экономии; является результатом отсутствия работы; связано с трудностями в русском языке и связано с отсутствием чего-либо; голодом; выживанием; бедностью. Представления, вызываемые английской идиомой, в основном аналогичны и отмечают: связь с трудностями, процесс выживания, отсутствие денег, голод, расчет. Отмечаются также и несовпадающие ассоциаты, вызываемые русской идиомой (натяжение, долги, необходимость выкручиваться, безработица) и английской (*no, round, rules*). Совпадение представлений при осмыслении иноязычной идиомы является результатом мотивированности ее значения совпадающей областью источника, сходной концептуальной метафорой и создаваемым образом. Ассоциаты русской идиомы *затянуть пояс* и ее английского эквивалента *tighten one's belt* тоже в значительной степени совпадают и связаны с экономией, трудностями, бережливостью, голодом, напряжением, сокращением расходов, применением определенных мер – в восприятии русской ФЕ и экономией, риском, голодом, лишениями, ограничениями – английской. Английская ФЕ вызывает ассоциации с холодом, а русская – с тем, что человек еще жив. Компаративные идиоматические выражения *беден как церковная мышь* и *as poor as a church mouse*, являясь полностью совпадающими в двух языках, выявляют такие сходные ассоциаты как: неимущий, не иметь, бомж, бедняк, выживать, голь, бедность, пустота, аскетизм, а английская идиома ассоциируется в сознании русских студентов с чувством жалости и несчастьем (*poor thing, misery*).

Сравнение ассоциатов, вызываемых частично совпадающими идиоматическими выражениями *в кармане соловьи свищут ~ doesn't have a penny to his name, висеть на волоске ~ live/travel on a shoestring (budget); перебиваться с хлеба на квас ~ live from hand to mouth*, – выявляет отсутствие полного совпадения ассоциатов, вызываемых иноязычными выражениями. Так, русская идиома *в кармане соловьи свищут* вызывает ассоциации с пустотой, безденежьем, кризисом, а английское выражение *doesn't have a penny to his name* ассоциируется с отсутствием денег, бедностью, страданием, нищим, временными трудностями (*penniless, no money, having nothing, poverty, beggar, temporary difficulties, suffer*). Ассоциатами ФЕ *висеть на волоске* являются грань, при смерти, риск, опасность, гибель, бедность, пропасть, неопределенность, и она связана с представлениями об опасности, нахождении на грани, состоянием неопределенности. ФЕ *live/travel on a shoestring (budget)* ассоциируется с *economize, save, no, lack, hard time, hitchhike, foot, extreme, empty, help* и связана с представлениями об экономии, пустотой, отсутствием денег, трудными временами и надеждой на помощь. Появление ассоциатов, связанных с путешествием автостопом, пешком, вызвано реакцией на буквальное значение глагольного компонента *travel*. ФЕ *перебиваться с хлеба на квас* ассоциируется русскоязычными студентами с голодом, недостатком, трудностями, обеднением, ценой, обделенностью. Семантически данную ФЕ связывают с голодом, считают результатом недостатка, результатом трудностей и несправедливости. Английская ФЕ *to live from hand to mouth* ассоциируется с *starve, hunger, need, poverty, no extra spends, half-starving, decrease, suffer, circle* и семантически ассоциируется с голодом, сокращением расходов, нуждой, бедностью, страданиями и замкнутым кругом.

ФЕ *to feel the draught* и *to have a rough time* и *нужда многому научит* и *гол как сокол* относятся к группе выражений, не имеющих эквивалентов в сопоставляемых языках. Русскоязычные студенты в ФЕ *нужда многому научит* не выделяют однозначно семантический компонент «бедность», однако ассоциируют ее с изобретательностью, выживанием, подчинением, опытом, уроком, обстоятельствами, лишением, сообразительностью, находчивостью, пользой, умом, мудростью, страданием, целью. Семантическая интерпретация ассоциативных реакций на данную ФЕ показывает, что в нужде приобретаются опыт и мудрость, преодоление нужды требует изобретательности, наличие лишений дает человеку уроки преодоления трудностей. ФЕ *гол как сокол* вызывает ассоциации с холодом, бедностью, нищетой, безденежьем, отсутствием излишеств, основанных на знании идиоматического значения выражения и буквальном значении компонента *гол*, поскольку воспроизведение буквальной сцены оказывается невозможным в связи с туманным значением компонента

сокол и стершейся метафорической связью процесса переосмысления. Английская ФЕ *to have a rough time* ассоциируется русскими студентами с *obstacles, difficulties, need, severe time, suffering*; ФЕ *to feel the draught* вызывает ассоциации с *poverty, become bankrupt, depression, ordeal, loss, obstacles, misfortune*; ФЕ *to die in a ditch* имеет ассоциации с *tragic end, death, misery, poverty, homeless person, hopelessness*. Семантическая интерпретация английских идиоматических выражений показывает, что бедность связана с наличием препятствий, трудными временами, наличием определенных обстоятельств, страданиями, трагическим концом, даже смертью, потерей надежды, чувством беспомощности и униженности.

Проведенный эксперимент показывает, что русскоязычные студенты выстраивают ассоциативные связи, опираясь на глубинное восприятие минимизированных национально-детерминированных значений, заложенных в значениях фразеологизмов, путем соотнесения личностно-психологического с архетипическим образом. Данное утверждение подтверждается соотношением процента случайных ассоциаций, связанных не с идиоматическим значением, а со значением одного из компонентов фразеологического сочетания, к проценту образно мотивированных. Восприятие русскоязычными студентами английских идиом, реализующих тот же концепт, выявляет возрастание доли случайных ассоциаций, связанных с восприятием идиоматических единиц как немотивированных, неспособностью вычленив архетипический образ, что повлекло за собой выстраивание «формальных ассоциаций», т.е. ассоциаций с буквальным значением или значением одного из компонентов единицы. Сопоставление ассоциативных реакций на русский концепт «бедность» и английский концепт «poverty» обнаруживает как совпадения, так и расхождения в их семантической интерпретации. Английские идиоматические выражения русскоязычные студенты связывают с бедностью (20), недостатком пищи (7), нуждой (5), а русские – с нищетой (13), неимением ничего (13). Обстоятельства возникновения «poverty» как социального феномена ассоциируют с банкротством (5), тогда как «бедность» считают результатом обстоятельств (3), не связывая результат, приведший к бедности, с ответственностью. Последствия «poverty» имеют трагический конец (3), тогда как состояние бедности оставляет надежду на лучшее (3). Полученные ассоциативные реакции позволили выявить особенности психологически реального значения, воспринимаемого представителями русского студенческого сообщества, в идиоматических выражениях, охватывающих концепт *бедность / poverty*.

Проанализировав существующие психолингвистические подходы к восприятию и декодированию идиоматического значения, можно прийти к выводу, что в ментальном лексиконе идиоматические выражения обладают статусом лингвистической единицы и их идиоматическое значение разворачивается, как только слушающий доходит до ключевого слова, наиболее характерного конститuenta идиомы. Более того, психолингвистические опыты свидетельствуют, что обработка идиоматического значения зависит от разложимости выражения на конститuenty и степени мотивированности семантической структуры.

Список литературы

1. **Кунин А. В.** Курс фразеологии современного английского языка: учебник для ин-тов и фак. ин. яз. 2-е изд-е, перераб. М.: Высшая школа; Дубна: Феникс, 1996. 381 с.
2. **Полякова Е. В.** Когнитивные особенности выражения моральных чувств «любовь» и «страх» в идиоматике русского и английского языков // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 9 (27). Ч. II. С. 157-163.
3. **Попова З. Д., Стернин И. А.** Когнитивная лингвистика. М.: АСТ; Восток-Запад, 2007. 314 с.
4. **Савицкий В. М.** Основы общей теории идиоматики. М.: Гнозис, 2006. 208 с.
5. **Barkema H.** Idiomaticity and Terminology: a Multi-dimensional Descriptive Model // *Studia Linguistica*. 1996. № 50 (2). P. 125-160.
6. **Bobrow S. A., Bell S. M.** On Catching on to Idiomatic Expressions // *Memory and Cognition*. 1977. № 1. P. 343-346.
7. **Cacciari C.** The Place of Idioms in a Literal and Metaphorical World // *Idioms: Processing, Structure and Interpretation* / C. Cacciari, P. Tabossi (eds.). Hillsdale, N.J.: Lawrence Erlbaum Associates, 1993. P. 27-55.
8. **Cacciari C., Glucksberg S.** Imagining Idiomatic Expressions: Literal and Figurative Meanings // *Idioms: Structural & Psychological Perspectives* / Everaert F. van der Linden, A. Shenk, R. Shreuder (eds.). Hillsdale, N.J.: Lawrence Erlbaum Associates, 1995. P. 43-56.
9. **Cacciari C., Tabossi P.** The Comprehension of Idioms // *Journal of Memory and Language*. 1988. № 27. P. 668-683.
10. **Fraser B.** Idioms within a Transformational Grammar // *Foundations of Language*. 1970. № 6. P. 22-42.
11. **Gibbs R. W.** Psycholinguistic Studies on the Conceptual Bases of Idiomaticity // *Cognitive Linguistics*. 1990. № 1. P. 417-451.
12. **Gibbs R. W.** Understanding and Literal Meaning // *Journal of Psycholinguistic Research*. 1985. № 14 (5). P. 465-472.
13. **Gibbs R. W.** Why Idioms are not Dead Metaphors // *Idioms: Processing, Structure and Interpretation* / C. Cacciari, P. Tabossi (eds.). Hillsdale, N.J.: Lawrence Erlbaum Associates, 1993. P. 57-77.
14. **Gibbs R. W., Nayak N.** Psycholinguistic Studies on the Syntactic Behaviour of Idioms // *Cognitive Psychology*. 1989. № 21. P. 100-138.
15. **Gibbs R. W., O'Brien J.** Idioms and Mental Imagery // *Cognition*. 1990. № 36 (1). P. 35-58.
16. **Glucksberg S.** Idiom Meanings and Allusional Content // *Idioms: Processing, Structure and Interpretation* / C. Cacciari, P. Tabossi (eds.). Hillsdale, N.J.: Lawrence Erlbaum Associates, 1993. P. 3-26.
17. **Kats J. J., Postal P. M.** Semantic Interpretation of Idioms and Sentences Containing Them // *Quarterly Progress Report* № 70. MIT Research Laboratory of Electronics. 1963. P. 275-282.
18. **Keiser B., Blay M.** Swimming against the Current: Do Idioms Reflect Conceptual Structure? // *Journal of Pragmatics*. 1998. № 31. P. 1559-1576.
19. **Kuiper K., Everaert M.** Limits on the Phrase Structure Configuration of Phrasal Lexical Items // *Europhras* / Ch. Palm Meister (ed.). Tübingen: Straube Verlag, 2004. P. 257-262.
20. **Lakoff G.** Conceptual Metaphor // *Cognitive Linguistics: Basic Readings*. Berlin, 2006. P. 185-239.

21. **Langlotz A.** Idiomatic Creativity. A Cognitive-linguistic model of idiom-representation and idiom-variation in English. Basel: University of Basel, 2006. 325 p.
22. **Shweigert W. A.** The Muddy Water of Idiom Comprehension Begin to Settle // Processing of Idioms / M. Everaert, Linden van der E., A. Schenk, R. Shreuder (eds.). Tilburg: Katolieke Universiteit Brabant, 1992. P. 111-118.
23. **Swinney D. A., Cutler A.** The Access and Processing of Idiomatic Expressions // Journal of Verbal Learning and Verbal Behaviour. 1979. № 18. P. 523-534.
24. **Tabossi P., Zardon F.** The Activation of Idiomatic Meaning // Idioms: Structural and Psychological Perspectives / M. Everaert, Linden van der E., A. Schenk, R. Shreuder (eds.). Hillsdale, N.J.: Lawrence Erlbaum Associates, 1995. P. 273-282.
25. **Weinreich U.** Problems in the Analysis of Idioms // Substance and of Language. Berkley, Los Angeles CA: University of California Press, 1969. P. 23-81.

PSYCHOLINGUISTIC CHARACTERISTICS OF PERCEPTION OF MEANINGS OF RUSSIAN AND ENGLISH IDIOMATIC CONCEPTS

Polyakova Elena Vladimirovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Taganrog Institute named after A. P. Chekhov (Branch) of Rostov State University of Economics
polyak.lena@mail.ru

The article is devoted to the comparative research of psycholinguistic characteristics of perception of meaning of Russian and English idiomatic concepts “*бедность / poverty*” by the representatives of the Russian linguocultural community. The paper gives a detailed analysis of psycholinguistic studies, devoted to the problems of comprehension and identification of an idiomatic meaning. Based on the analysis of linguistic experiments associative reactions have been revealed, the semantic interpretation of which denotes the peculiarities of representation of the idiomatic meaning, reflecting stereotype ideas of the Russian-speaking students about the English-speaking linguocultural community in comparison with the community that they refer themselves to.

Key words and phrases: idiomatic expression; psycholinguistic approach; associative reactions; idiomatic meaning; semantic interpretation; concept.

УДК 811.11(075.8)

В статье осуществляется систематизация современных направлений исследования языковых единиц с позиций скрытой прагмалингвистики. В качестве примера исследования скрытого механизма прагматики воспроизведения речевого акта в тексте приводится речевой акт совета. На материале художественных текстов от первого лица на немецком языке анализируется речевое поведение коммуникантов речевого акта совета. В конце статьи делается вывод о практическом применении полученных результатов исследования.

Ключевые слова и фразы: скрытая прагматика; речевой акт совета; речевое поведение коммуникантов; художественные тексты от первого лица; немецкий язык.

Попова Лариса Георгиевна, д. филол. н., профессор
Тарасова Екатерина Борисовна
Московский городской педагогический университет
Larageorg5@gmail.com; Taraz_tarazov@list.ru

СКРЫТАЯ ПРАГМАТИКА ВОСПРОИЗВЕДЕНИЯ СОВЕТА В НЕМЕЦКИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ

О скрытой прагмалингвистике в настоящее время в языкознании говорится довольно часто, так как имеет место достаточное количество работ, выполненных в рамках данного направления. Но несомненная заслуга принадлежит Г. Г. Матвеевой, которая выделяет две разновидности современной прагмалингвистики: функциональную прагмалингвистику и скрытую прагмалингвистику. В рамках функциональной прагмалингвистики изучается речевая деятельность отправителя текста с продуманным намеренным выбором иллокуций, а в скрытой прагмалингвистике исследуется интуитивный привычный выбор речевых сигналов актуализации речевого поведения отправителя текста. Особый интерес для прагмалингвистики представляет проблема речевого воздействия коммуникантов друг на друга в процессе общения. Реализуя в акте коммуникации свои коммуникативные намерения, собеседники воздействуют друг на друга, добиваясь намеченных целей, которые могут быть эксплицитно и имплицитно выраженными [7; 8; 9; 10]. Г. Г. Матвеева явилась основателем лингвистической школы скрытой прагмалингвистики в Ростове-на-Дону.

В этом плане следует упомянуть ряд работ других языковедов, разрабатывающих весьма плодотворно данное направление. А именно – докторскую диссертацию А. В. Ленец, посвященную рассмотрению в лингвистическом и семиотическом аспектах специфики прагматического механизма воспроизведения лжи [5]. В исследовании Е. Е. Нужновой с позиций прагмалингвистики рассматривается речевое поведение специалистов в области компьютерной техники [12]. Поведение участников коммуникации, относящихся к определенной социальной группе, стало темой кандидатской диссертации Н. В. Варнавских. В диссертации в ходе